

Жизнь Шевченка потекла хорошо и радостно. Окруженный теплой дружбой и тѣми интеллектуальными наслажденіями, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ, онъ какъ-будто ожилъ и своимъ ласковымъ обращеніемъ оживлялъ всѣхъ окружающихъ. Нашъ домъ онъ считалъ своимъ и потому почти всѣ его друзья и пріатели малороссы бывали у насъ. Къ нимъ присоединялся нашъ интимный кружокъ, состоявшій изъ поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ; быстро проходили вечера въ интересныхъ бесѣдахъ и спорахъ; незамѣтно засиживались до свѣта. Шевченко сильно горячился въ спорѣ, но горячность его была не злостная или заносчивая, а только пылкая и какая-то милая, какъ все въ немъ. Онъ былъ замѣчательно ласковый, мягкій и наивно довѣрчивый въ отношеніи къ людямъ; онъ во всѣхъ находилъ что-нибудь хорошее и увлекался людьми, которые часто того не стоили. Самъ же онъ дѣйствовалъ какъ-то обаятельно, всѣ любили его, не исключая даже и прислуги.

Никто не былъ такъ чутокъ къ красотамъ природы какъ Шевченко. Иногда онъ неожиданно являлся какъ-нибудь послѣ обѣда. „Серденько мое, берите карандашъ, идемъ скорѣй!“ — Куда это позволите узнать? — „Да я тутъ дерево открылъ, да еще какое дерево?“ — Господи, гдѣ это такое чудо? — „Недалеко, на Среднемъ проспектѣ. Да ну идемъ же!“ И мы, стоя, зарисовывали въ альбомы дерево на Среднемъ проспектѣ, а тамъ проходили и на набережную, любовались закатомъ солнца, переливками тоновъ и, не знаю, кто больше восторгался — 14-ти лѣтняя дѣвочка или онъ, сохранившій въ своей многострадальной душѣ столько дѣтски-свѣжаго. Незабвенными останутся для меня наши поѣздки въ свѣтлыя сѣверныя ночи на тоню, на взморье. Тутъ и пили, и пѣли, но еслибы Шевченко позволилъ себѣ какое-нибудь излишество или неприличіе, то это несомнѣнно корбило бы и меня и мать мою, такъ какъ тогда существовалъ иной взглядъ на воспитаніе дѣвушки. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, какъ я видалась съ Шевченкомъ, за рѣдкими исключеніями, каждый день — я ни разу не видѣла его пьянымъ, не слышала отъ него ни одного неприличнаго слова и не замѣчала, чтобъ онъ въ обращеніи чѣмъ-либо отличался отъ прочихъ благовоспитанныхъ людей. Мы знали, конечно, объ его слабости къ крѣпкимъ напиткамъ и старались удерживать его отъ этого, но единственно изъ опасеній вреда его здоровью, опасеній, которыя къ несчастью и оправдались потомъ. „Только, смотрите, не ромъ съ чаемъ, а чай съ ромомъ“, говорила я, смѣясь, ставя передъ нимъ граневый графинчикъ.

Раза два пріѣзжалъ навѣстить своего друга Щепкинъ. Онъ превосходно читалъ поэмы Шевченка; но самымъ выдающимся событіемъ этого времени былъ пріѣздъ въ столицу африканскаго трагика